

Наступил четырнадцатый день сентября, в Большом театре — концерт Образцовой.
Дождались!

Олеск
и
ТИШИНА

Ничто не предвещало успеха, нет. Разгар бархатного сезона смерчем опустошил улицы. Москва, вся в дожде и ветренная, приходила в себя от лазерных лучей представления Жана Мишеля Жарра, этого нового Буонапарте. Главный идол победы, реклама, цитом стоял между колонн театра, а то и еще хлеще — молчал на вездесущих FM радио, каналах телевидения. Кто знал о концерте Образцовой? никто не знал. Такое было впечатление минут за пять до начала спектакля. Ложи бельэтажа пусты, ряды партера зияли алым бархатом подушек. И только верхняя ложа "Б" походила на ласточкино гнездо из-за обступивших ее "образцовисток". Они тревожно клеткотали о своем, о важном. С каким взмахом дирижерской палочки зрительный зал заполнился до от-

каза? трудно сказать. Оркестр Большого театра взвился "Приглашением к танцу" Вебера, и маэстро Жюрайтис, с нервной спиной, с черными с сильной проседью волосами, артистично спадающими на фрак, напомнил Листа, Серова, кого-то из "бывших".

Образцова вышла на сцену этуалью. Со страстью ожидания в лице, с надеждой в брызгах синих глазах. Она вся — один порыв, одно устремление куда-то, за какие-то синие пределы обычной нашей жизни. Она познала ее, мы — нет. Нам лучше, у нас все впереди. Мы будем рассматривать неоткрытые дали подчеркнуто в бинокль. Контраст бело-черных цветов концертного платья в первом отделении менялся на трагичные черно-красные цвета во втором. Янтарная матовость загара, жемчужное

"Кармен". Е.ОБРАЗЦОВА, А.ЖЮРАЙТИС,
З.СОТКИЛАВА

Елены Образцовой

сиянье улыбки, игра брильянтов в ушах оставались неизменными. “Море смеялось у края лагуны”, — сказал бы об Образцовой поэт Лорка. Ее дар зазывного, пропастью манящего притяжения приводит публику в оторопь, он нудит, как шторм среди бела дня, молчать.

В первом отделении концерта случилась премьера.

Еще три-четыре года назад Елена Образцова призналась: “Как жаль, что я не знаю немецкого языка. Не могу исполнять Вагнера!?” “Полно-те”, — хотелось возразить ей, поющей на девяти языках, сочтя нечаянное сетование за каприз, быть может невольное притворство, впрочем, понятное для певицы ее статуса, ее положения. Открываем программки концерта, читаем: “Вагнер, пять песен на стихи Матильды Везендон”.

Lieder, этот образчик концентрации немецкого духа, редкая конгениальность поэзии Гельдерлина, Штика и музыки Шумана, Вагнера для Германии такой же золотой запас, что и для нас с вами музыка Мусоргского и драма “Борис Годунов”. Примечательно, что немецкий романтизм с его мистицизмом, с его бунтарским анти-антифеодализмом, антикапитализмом стал предтечей русского символизма, выросшего из “голубой розы” Новалиса. Картины Шишкина проникнуты суровостью полотен Фридриха Каспара. Елена Образцова обратилась сегодня к немецким lieder.

Трудно уйти от ассоциаций с Элизабет Шварцкопф. Страшно близки мейстерзингеры и нибелунги, плачи русалок у скалистых берегов Рейна великой немецкой певице. Елена Образцова дала свой образ-мечту немецкого мистического пантеизма. Полночный мрак над современной магистралью Зальцбург — Мюнхен, туман, увлажняющий лобовое стекло, и тонкие как хрусталь лучи прожекторов изредка выстраивали в поднебесье готику средневековых фортов. Они разверзали тяжелые тучи, они пропускали серебряный лунный свет, они обещали те синие дали. Вот что вспоминала я под вагнеровского “Ангела” в исполнении Елены Образцовой. “Почему? — спрашивала я себя с недоумением, — сегодня, когда художник часто обречен на ненависть, на открытое сведение счетов, Елена Образцова словно обходит время стороной”.

Пауза антракта. “Вы заметили, что она несносно кричит?!” “Жаль, жаль, но голоса нет, да. Пропал. Хотели ей поставить голос в Ла Скала, она отказалась. Напрасно. Верх исчез, один речитатив остался”. Милые кулуарные злости! Лоскутные, как цыганское одеяло, сплетни! Вы держите театр так, как келейные молитвы монахов держат жизнь нашу, как орден рыцарей-клакеров поднимают на знамена своих любимцев. Последние отважно поддержали свою несравненную Касрашвили—Аиду, кое-что перепало и Образцовой—Амнерис, но авангард ее хлопунув, по-видимому, так и затерялся где-то в европах.

Второе отделение, “Кармен”. Ее объяснения с Хосе (Зураб Соткилава) в Сегидилье стал апофеозом страсти от Мериме—Бизе. “Нет, никогда твоей и я ничьей не буду”, — мило заявила Елена Образцова и отвела поцеловавшего ее кисть Соткилаву по правую руку от дирижера Жюрайтиса, чтобы на этот раз не сломал свою руку. Хосе принял отказ с улыбкой. Но кто-то видел: коварство молнией сверкнуло в его почерневших глазах. Хосе пел свою песню мести один, дуэт распался. Что оставалось

Большой театр. - 1998. - (№ 9). -
с. 12, 14.

лось Кармен? Елена Образцова смеялась, шутила, ждала нового вступления оркестра. Так было сделано специально, что называется, на критика. Иначе, что нового скажет он о Кармен—Образцовой, которая “сожгла” Метрополитен, коленопреклонила Монтсеррат Кабалье, смутила Аббадо, не говоря о Караяне, шокировала западную школу вокала с ее строгим, как расписание движения поездов, регламентом подачи голоса, эмоций. Елена Образцова вне законов и табу. Она продемонстрировала это своим концертом. Ей дан высший дар — голос, с потрясающими рокоучущими нотами, которых, быть может, вообще больше ни у кого нет. Она распоряжается им расточительно и вольно, назовем это сумасбродством. “Ведь рядом с ней не было в России большого музыканта, — как заметил Рустам Хамдамов, — который делал бы с ней музыку”. Она может кричать, потому что не кричать она не может. Потому что она единственная так исполняет страшные эротичные романсы Чайковского, что в зале плачут, и передает ту красоту истерики в музыке Рахманинова, которая других пугает. Елена Образцова давно влечет за собой свою и чужую публику тем тревожным, интересным, недоговоренным, что хранит в себе имя **слава**.

Марина НАБЕРЕЖНАЯ